

CHAPTER «PHILOSOPHICAL SCIENCES»

STRATEGY OF FORCED TRANSFORMATIONS: MORAL-SPIRITUAL BASES OF SOCIO-ECONOMIC CHANGES

СТРАТЕГИЯ ФОРСИРОВАННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПРАВСТВЕННО-ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Vladimir Shedyakov¹

DOI: <https://doi.org/10.30525/978-9934-588-53-2-30>

Abstract. The purpose of the text is to clarify the tools for the development of cultural and civilizational worlds during the period of forced transformations, to highlight the consolidating role of the spiritual and moral foundations of creative activity (in particular, scientific and intellectual). The main objective of this article is to consider the sociocultural prerequisites for conducting of a strategy of radical changes: without betraying by leaders yourself and your people, without betraying your past, present and future. The theoretical and methodological basis of the article consists in research devoted, firstly, to the formation of an understanding of progress, secondly, to the possibilities of combining self-development and conscious regulation, and thirdly, to the features of transition periods. Special attention is drawn to the difference between the characteristics of social progress and regression. Their causes, manifestations, triggers and driving forces are considered. The work takes into account the impact of disasters (for example, epidemics) on the course of social transformations. Increasing the immunity of the public environment to manipulative influences and raising citizenship is considered a prerequisite for the conformity of the transformations to the fundamental interests of

¹ Doctor of Sociological Sciences,
Candidate of Economic Sciences, Free-lance, Ukraine

the people. At the same time, the growth of the value of the moral-spiritual dimension of life is considered both from the standpoint of the specifics of the emerging paradigm of organization and development of ecumenical life, and in the context of the transition period itself. A comparison is made with the logic of previous eras of human history, as well as the end of modern confrontations. The general points and differences stages are shows. Possible directions of strategic competition and partnership are highlighted. Based on the determination of the possibilities and boundaries of the effectiveness of conscious intervention, recommendations for further improving the practice of reform are given. The focus is on the gigantic productive forces of mankind and the growing need for mass creativity as a form of development and realization of the gifted personality complex. It is stated that the changes occurring on a global scale are irreversible; they give the investment dominant an innovative character. The conclusion is drawn about the need to expand (in particular, by instilling social responsibility and developing social partnership) the range of means of strengthening the spiritual and moral basis of life as a vaccine against the prospects of self-destruction. Thus, historical conditions, on the one hand, naturally bring to the forefront of internal and external structuring and development large masses of people; on the other hand, they increase the dependence of the results of social reproduction on the measures of pro-social development and the implementation of a deeply individual combination of giftedness of each. Ensuring the vector and the pace of development involves the priority cultivation, firstly, of the social environment that stimulates the desired progress, and secondly, of the points of accumulation of the creative energy of the people. So, during period of transition, unity is clearly becoming the features of transformation: general and private interest, public and personal interest, socialization and individualization, fidelity to the past and aspiration for the future, socially important traditions and innovations, morality and intelligence, resource and methodological bases of Tradition, Modern and Postmodern, protectionism and free trade, openness and closeness, motivating social environment and clusters – drivers of development, the elite and the people, democracy-aristocracy and meritocracy-expertocracy, strategies, tactics and operational art of change.

Нравственные понятия» – в них, может быть,
вся суть жизни, её корень.

Вся наша история проникнута ими.

Слонимский М.Л. «Завтра»

1. Вступление

Лавинообразное распространение безвредных бактерий не только притормозило, «заморозило» решение стоявших социально-политических проблем, но и внесло коррективы в реализацию крупномасштабных перемен. Разумеется, пандемия не стала причиной глобальных трансформаций, но оказалась важным фактором и «лакмусовой бумагой» парадигмальных подвижек исторического уровня [1, с. 43]. Наряду с очевидной разницей условий формирования успешных стратегий, появились и дополнительные обстоятельства: к примеру, Китай, успешно проявив качества лидера в заботе о здоровье населения всей ойкумены, получил в виде весомых дополнительных преимуществ импульсы и от более раннего выхода из карантина с последовавшим подъёмом деловой активности, и от упавшей цены на нефть. Вместе с тем, свою императивность доказывают нравственно-духовные основы общества, выступающие не только регуляторами, но и жёсткими ограничителями в аморальных экспериментах и бесчеловечной погоне за ростом нормы прибыли. Поиск же новой геостратегической модели строится на отходе от всевластия транснациональных корпораций и надгосударственных организаций [2, с. 41; см, также, 3, с. 69]. Состояние и тренды изменений (включая и отложенные стратегии) общественных идеологии и психологии, опирающиеся на доверие народа, формируют представления о смысле жизни, объединяют и структурируют общество, выливаясь в сложную полифонию, где сливаются Сверхпроект развития и малые проекты, благодаря которым взаимодействуют интересы народа, региона и человека. Тем самым гармонизируются взаимодействия в защиту человека (в частности, его прав на жизнь как таковую, на достойную человека жизнь, на творчество и т.д.). В исторической логике далеко не всегда прокси-противостояния и эпидемии истощают потенциал враждебности; нарастание конфликтов частных стратегий порой предвосхищает более крупные столкновения, становится прообразом глобальной стычки за право

формировать образ будущего на своих принципах. И качество прохождения переходного периода способно повлиять на возможные орбиты последующих трансформаций.

Теоретико-методологическими базами исследования стали подходы и размышления Л. Архангельского, А. Ачлея, Н. Бердяева, Ю. Бромлея, И. Валлерстайна, И. Витаньи, А. Горца, Ю. Давыдова, М. Делягина, И. Джохадзе, А. Зиновьева, Э. Ильенкова, И. Ильина, В. Иноземцева, Д. Калаича, С. Караганова, М. Кастельса, В. Катасонова, Г. Киссинджера, А. Колганова, С. Кравченко, Р. Кравчика, А. Кривули, А. Кули, С. Кургиняна, М. Ломоносова, Н. Михалкова, С. Михеева, Д. Нексона, З. Оруджева, И. Острцова, К. Петрова, В. Пякина, В. Сагатовского, Т. Сакайи, Б. Славина, А. Спиркина, Е. Спицына, В. Толстых, В. Третьякова, Н. Трубникова, В. Тугаринова, А. Уледова, П. Флоренского, Э. Фромма, А. Фурсова, М. Хазина, А. Хомякова, О. Четвериковой, К. Шахназарова, К. Ясперса. Учтены также разработки С. Ахромеева, П. Багратиона, П. Батова, М. Бонч-Бруевича, А. Брусилова, А. Василевского, Н. Ватутина, А. Воеводина, Н. Воронова, Р. Гейтса, Л. Говорова, Н. Головина, А. Горбатова, А. Гучкова, Н. Данилевского, А. Деникина, М. Драгомирова, М. Дроздовского, А. Егорова, А. Ермолова, Г. Жомини, Г. Жукова, А. Каледина, В. Каппеля, А. Кокошина, И. Конева, Л. Корнилова, Р. Малиновского, К. Мерецкова, Д. Милютинина, Г. Мольтке, А. Незнамова, Н. Огаркова, К. Рокоссовского, П. Румянцева, А. Свечина, А. Снесарева, М. Скобелева, Я. Слащёва, А. Суворова, К. Петрова, Е. Примакова, В. Триандафилова, Ф. Ушакова, М. Фрунзе, Б. Шапошникова, а также В. Барабина, В. Бочарникова, А. Дугина, В. Золотарёва, А. Зубкова, Л. Ивашова, У. Кларка, С. Кортунова, В. Кузнецова, Ю. Николаева, А. Панарина, С. Петрова, И. Радикова, Д. Рогозина, С. Свешникова, В. Серебрянникова, А. Уткина, В. Шевцова, применительно к окнам контролируемой уязвимости, опосредованным противостояниям и направленному хаосу, рефлексивному управлению конфликтами и гибридной войне – в трактовках А. Денисова, С. Кузина, В. Лефевра, С. Маркова, Д. Назарова, Ф. Хоффмана, А. и Ю. Шипициных. Также при написании текста учтены прогнозы Брукингского института (Brookings Institution), Международного дискуссионного клуба «Валдай», Международного форума «Евразийский образовательный диалог», Петербургского

международного экономического форума, Ярославского инвестиционного форума, корпорации Рэнд (RAND Corporation, Research and Development), Стрэтфора (Stratfor, Strategic Forecasting Inc.), Фонда «Наследие» (Heritage Foundation), Центра стратегических и международных исследований (CSIS, The Center for Strategic and International Studies), Римского клуба и Зальцбургского семинара.

Основная задача данной статьи – рассмотрение социокультурных предпосылок стратегии кардинальных изменений: без измены себе и народу, без предательства своего прошлого, настоящего и будущего.

2. Прогресс как фундаментальная характеристика и условие выживания человечества

В истории этнос часто выступает как самостоятельная социокультурная величина с собственной волей, задачами, привычками. Защита и сохранение своего мира – в преемственности его жизнеустройства [4, с. 5]. Воссоздание комплекса своих ценностей и смыслов – это, по существу, распространение своей духовности пересадкой её части во всё новые души и, следовательно, ведущий элемент воспроизводства нравственно-духовной целостности, продолжения жизни: своей и своего культурно-цивилизационного мира [5, ст. 2, с. 39]. Именно нравственные стержни через традиции, устои, обычаи создают и оберегают общество. Так, наиндивидуальные, надэгоистичные и другие трансцендентные факторы часто оказываются решающими на макро- и микроуровне. В наличии воплощение в системе общественных взаимодействий идеального, наиндивидуалистичного понимание человека и общества. Под иллюзией же верховенства потребительских интересов легко заметна жёсткая и предельно отчуждённая воля «техноструктуры», пытающейся задать индивидам их потребительский (редуцированный к биологии) стереотип.

Если ранее, зачастую, на первый план выходила связь аморальности с расширением диапазона выбора и инструментов, принося успех отсутствию нравственного ригоризма, то теперь этическая неразборчивость граничит с фатальной опасностью для ойкумены. Продуктивное развитие общества происходит на основе гармонии подходов (хоть общественное согласие может базироваться и на консервации устаревшего, и даже на реакции и реванше). Согласование действий достига-

ется балансом между свободой и ответственностью. Соответственно, страны, которые демонстрировали высокие достижения во всех областях социального общежития, как правило, и ранее-то основывались на широком объединении усилий различных слоёв населения на задачах гражданского согласия и достижения соборности общественного устройства, теперь – тем паче. Вместе с тем, надёжно мотивировать не страхом или корыстью, а интересом / любознательностью, любовью / надеждой можно лишь с опорой на ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира. В итоге прогресс – восхождение от «калькулятора», «человека экономического» к «человеку творческому». А распад личности до уровня индивида, доминирование биологического над социальным, торжество звериных инстинктов означает деградацию человека и этноса.

Прогресс как фундаментальная характеристика общественных трансформаций отнюдь не сводим к сумме инструментальных подходов, применяемых для освоения и создания среды обитания. Он – способ жизни и деятельности, имманентный достигнутой эпохе развития цивилизации. Рассматриваемый с таких позиций прогресс выступает не столько инструментом продвижения к определённой рубежу эволюции региона, сколько порождением уровня развития культуры общества. Общественный регресс можно обозначить как нисходящую линию развития в социальных процессах, выражающую понижение уровня их организации, попятное движение или застой, разложение, распад общественного организма. Отсюда критерий регресса можно видеть как в снижении уровня развития материального производства, социально-экономических отношений, устойчивом замедлении его темпов роста, так и в ограничении развития духовной культуры (например, идеологическими матрицами), а, следовательно, и самой человеческой личности [6, с. 56]. При этом определяющие причины регресса могут лежать в самом явлении или же вне его (кризисные моменты в способе производства, системе политических отношений, общественной морали, абсолютизации каких-либо идеологических принципов или насильственное воздействие, порабощение народа другим и т.д.).

Роль гражданственности, социальной ответственности как фактора общественного развития подвижна. Сейчас она взлетает, прежде всего, из-за особенностей нарождающегося общественного устройства

с отчётливой интеллектуально-духовной доминантой (что и отражено в ряде определений, например, характеристике «общества знания»), а также недостаточных качествах правящего слоя. Распространение процедур народовластия при изощрённости психоманипулятивных техник превращает общественное мнение в серьёзный объект информационного давления. Ныне видимость повсеместного доминирования демократических форм и процедур усиливает внимание не только к индивидуальной, но и к социальной психологии воздействия для создания и поддержания вектора общественных подвижек. Ранее и человек от рождения был обречён реализовываться в строго определенных рамках общественных обязанностей, и предметы культуры были ориентированы прежде всего на потребление верхушкой. Сейчас же каждый может выбирать близкое именно для себя. Обретение смысла, включение в социокультурное пространство становится осознанным личностным выбором, становлением как гражданственности, так и общественных отношений (социальности, социальной ткани, социокультурного капитала, etc.). Но осуществление этого выбора требует ответственности и гражданской зрелости. Не надо забывать и о том, что если капиталистический вариант модерна строил общество по экономическим лекалам, то социалистический – по социальным. Капитализм извращал нравственно-духовные понятия, подменяя в качестве цели жизнь человека и возможности творчества нормой прибыли. Ныне приоритетом становится создание условий для сознательной жизнедеятельности, разумной инициативы и гражданской активности каждого. Наиболее весомым становится органичность взаиморезонирования форм морально-нравственного и научно-интеллектуального начал общественной жизни [7, с. 294]. Культивирование их выступает решающим фактором, определяющим стратегию поведения. Так, исторические условия, с одной стороны, закономерно выносят на передний план внутреннего и внешнего структурирования и развития крупные массы народа, с другой, – повышают зависимость результатов общественного воспроизводства от меры просоциального развития и реализации глубоко индивидуального сочетания одарённости каждого. Но растёт и заинтересованность в паразитировании именно на духовной (в частности, интеллектуальной) одарённости, сдвигая акценты в процессах отчуждения. Нисхождение до «культурной жвачки», распро-

странение социального инфантилизма – рудимент эгалитаризма. Простенькая культура обкрадывает смысл, доступность вообще лишает смысла. Самое глубокое неравенство – неравенство талантов, прежде всего в создании смыслов. Устойчивость же народа к внешним воздействиям – один из симптомов его иммунитета, воплощающий силу воли, нравственности и жизнелюбия.

3. Стратегия органичных преобразований

Развитие ойкумены отходит от схем «центр(ы) – полупериферия – периферия» к гибкому и изменчивому взаимодействию равноуровневых акторов, где ведущие роли играют культурно-цивилизационные миры, имеющие в качестве своих нравственно-духовных стержней базовые ценностно-смысловые комплексы [8, с. 305; 9, с. 61]. Они становятся мультипликаторами силы народов и создают миссию и мораль государства, наращивая социокультурный потенциал общества. Опора на них позволяет не только разбудить и сконцентрировать, но и сэкономить социальную энергию. Они же в конечном итоге определяют, какое именно состояние общественного пространства рассматривается как пригодное для жизни и развития, т.е. формируют консенсус. Именно они, закрепляясь матрицами ментальных кодов народов, закрепляют расхождения в обычаях, воспитании, престиже, моде, влияют на состояние и вектор трансформаций эмоционального интеллекта общества, определяют общественные предпочтения, поведение и исторический выбор. Соответственно, на их основе появляется возможность не только повысить качество анализа и прогноза целостностей, их действий и повседневного опыта, но и уточнить модель развития и создать более органичное представление о желаемом и достойном. Очевидно, реализация стратегии сохранения и развития социокультурного наследия – важное условие возрождения. Укрепление иммунных возможностей культурно-цивилизационных миров требует своевременной модернизации не только информационных инфраструктур, но и системы воспитания критичного мышления у населения, а также воспитания привычки к осознанному участию народа в управлении общественной жизнью. При том из каждого вида модели развития конкретный культурно-цивилизационный мир может получить свою конкретику соответственно глубинным пластам цен-

ностно-смысловых комплексов и динамике трансформации. Дифференциация и усложнение структуры постглобального мира позволяет создавать крайне разнообразные модели достижения и поддержания конкурентоспособности, достижения культурно-цивилизационным миром успеха в обеспечении и качества / осмысленности и условий человеческой жизни, и созидании своего материального и духовного наследия [10, с. 141; 11, с. 61]. Соответственно, необходимо переходить от навязывания глобальных стандартов крайне разнородным культурно-ценностным мирам к ориентации на культивирование собственных общесоциальных условий продуктивности и долговременной стабильности жизнедеятельности.

Между тем, сейчас далеко не только Украина, но и весь мир в очередной раз остро переживает переломную ситуацию, когда прежняя модель преуспевания исчерпана и заново определяются перспективы. Происходящие во всемирном масштабе изменения необратимы, они придают инвестиционной доминанте инновационный характер. И попытки уйти от них ведут просто к ослаблению своих позиций. Состязаются не только за таланты и шедевры. Конкурировать приходится и за факторы жизнедеятельности (где возрастает роль интеллектоёмкого творчества и сырьевых запасов), за место в международном разделении труда, за рынки сбыта продукции. Свои варианты ответа на запросы эпохи ищутся представителями самых разных политических сил и общественных движений. Причём ранее «пределы роста» были проблемой научных дискуссий – сегодня они прочно входят в повестку дня каждого: от человека до государства. Мир задыхается в устаревших общественных конструкциях, взрываясь серией экологических, технико-технологических, социально-экономических, да уже и политических катастроф. Среди исторических вызовов нашего времени – необходимость отбора систем отношений, социально-экономического поиска оснований для нового внутреннего и международного порядка. Запросы такого уровня формируются историей нечасто и каждый раз требуют специального решения.

Ныне вхождение народов в постсовременные модели развития (включая постмодерн культуры и постиндустриальный строй общества) осуществляется в глобальном масштабе. С одной стороны, это означает формирование и акцентирование соответствующих начал

социально-экономической жизни вне зависимости от субъективных желаний и осознания происходящего. С другой же, понимание существа процессов и границ эффективного влияния на них позволяет превращаться в коллективного субъекта стратегических преобразований. Модели принятия и осуществления решений при этом могут быть разными – в любом случае успех преобразований выражается в устойчивом приращении духовной и материальной культуры, а также качества и длительности жизни человека. То и другое прямо связано с характером складывающихся повседневных социально-экономических отношений. Отныне нет необходимости в стабильности спроса-предложения (напротив, для развития естественна стабильная нестабильность), а вот постоянство институтов и принципов права, условий страхования, кредитования, налогообложения, социальная и политическая стабильность совершенно необходимы. Усиливается и встречное движение: государство «опускается в основание» общественных отношений, не только формируя условия (в т.ч. и в экономике), но и выступая крупным собственником, покупателем и продавцом (а то и вообще монополистом). В этой ситуации критично важным может быть поддержание баланса между использованием научно-методологических инноваций, выводящих за пределы стандартных воззрений, а, с другой, – сохранением достоверности рекомендаций практике осуществления информационных воздействий. Соответственно, изменение общественных идеалов с позиций ценностного измерения бытия, культивирование многообразия мировоззрения, открытости сознания сработали как интеллектуальная предпосылка нового вхождения в общественную жизнь разнообразных иррациональных факторов.

Спасение человека от стереотипов и идиологов общества массового потребления – необходимое условие нравственно-духовного созидания. При этом закладываются основы преодоления неадекватных задач эпохи форм как, с одной стороны, nepoтизма и кумовства, так и, с другой, уродливых сочетаний эпигонами либерализма и национализма. Патологизация общества погоней за нормой прибыли принижает человека и искажает вектор усилий цивилизации. Так, культурно-цивилизационный мир Запада принял чуть ли не человеконенавистнические формы, передав свой творческий запал совсем иным субъектам международной жизни. В людях же заложено доброе начало, берущее верх

всякий раз, когда под угрозой само существование ойкумены. Но на смену условной «эре Америки» не приходит эпоха кого-либо другого. Скорее, речь идёт вообще о кардинальном изменении ресурсно-методологических баз развития. Переход к логике свободы является, вместе с тем, отказом от единственности любого базиса общежития. Вместе с тем, эта устойчивость народов к внешним воздействиям различна. Она, во многом, зависит как от фазы развития, так и от базовых ценностно-смысловых комплексов каждого самобытного культурно-цивилизационного мира. В частности, дополнительные риски и возможности таит переходный период как время форсированных трансформаций. Повышение иммунитета общественной среды к манипуляторным воздействиям и воспитание гражданственности – предпосылка соответствия преобразований коренным интересам народа.

При этом чертами трансформирования явно становится единство общей и частной заинтересованности, общественного и личного интереса, социализации и индивидуализации, верности прошлому и устремленности в будущее, общественно важных традиций и инноваций, нравственности и интеллектуальности, ресурсно-методологических баз Традиции, Модерна и Постмодерна, своего и чужого, протекционизма и фритредерства, открытости и закрытости, мотивирующей общественной среды и кластеров – драйверов развития, элиты и народа, демократии-аристократии и меритократии-эксперткратии, стратегии, тактики и оперативного искусства проведения изменений. Кардинально важна и возможность принятия и проведения решений в интересах собственного культурно-цивилизационного мира. Зависимость от материального и духовного импорта – не только угроза национальной безопасности, но и симптом тяжкого заболевания общественной системы. От фазы цикла развития и оптимизации арсенала протекционизма для защиты своих интересов существенно зависит и баланс закрытости / открытости. Как известно, достигшие лидерских позиций часто пытаются вскрыть внутренние рынки прочих и навязать свои условия потребления сырья – тогда как развивающиеся предпочитают опекать свои рынки. Одновременно логика истории ведёт от попыток культуртрегерского неокOLONIALИЗМА с насаждением метрополиями удобных для себя моделей к полилогу культур и гибкой геометрии подходов. Обеспечение направленности и темпов развития

предполагает культивирование как общей стимулирующей желательные подвижки среды, так и точек аккумуляции творческой энергии народа [12, с. 337; 13, с. 27].

Выход на историческую арену широких масс переносит акцент с индивидуального на социальный аспект жизнедеятельности, придавая новые краски классической теме «места личности в истории». Таким образом, качество субъектности становится серьёзным фактором экономического развития, внутренних и внешних достижений. Необходимость привлечения к историческому просоциальному творчеству (прежде всего, в труде и управлении) для обеспечения успеха социума, ставит каждый культурно-цивилизационный мир в зависимость от результатов поиска им эффективных средств развития и реализации дарований каждого. В осуществлении социальной педагогики как экономического фактора проявляется стратегическая культура народа и элиты, реализуемая при осуществлении стратегической конкуренции при корреляции внутреннего и внешнего регулятивных контуров [14, с. 302].

4. Период форсированных трансформаций как время общественного и индивидуального выбора

Тенденции изменений общественных целостностей знают эпохи и моменты перехода на стыке между ними, характеризующими особенности развёртывающегося исторического процесса. Смена эпохи предполагает и новую модель в трактовке прошлого, настоящего и будущего. Участие в переструктурировании, упорядочении хаоса дарует премию непосредственным субъектам и наиболее полно использующим тенденции. В этот момент часто ожесточённо конкурируют факторы объективные и субъективные, закономерные и случайные, уникально невозвратимые и циклично повторяемые. В рамках переходного периода определяется соотношение сил в структурировании общественных противоречий и всей жизни культурно-цивилизационного мира; то, кем, в чьих интересах, насколько глубоко, последовательно и успешно будут осуществляться перемены – и динамика последующих трансформаций. Т.о. переходный период включает противоборство (вплоть до антагонизма) претендентов на статус лидеров и выразителей новой эпохи, «создателей» нового, более нравственно

совершенного Сверхпроекта развития общества. Суть Сверхпроекта развития каждого культурно-цивилизационного мира – в общественном понимании в нём справедливости (прежде всего, в реализации равенства и свободы); а его сверхзадача – предоставление адекватных эпохе и среде новых форм и устройства, обеспечивающих её воплощение. Внутренняя структура культурно-цивилизационных миров определяется исторической чередой Сверхпроектов, сосредотачивающих в себе порывы их исторического творчества. Соответственно, развитие ойкумены – это партнёрство и конкуренция Сверхпроектов культурно-цивилизационных миров. При этом, например, даже ради высоких социальных стандартов (тем более – узкокорыстных интересов некоторых групп) нельзя подрывать потенциал сверхзадачи, прорыва к развитию в дальнейшем.

На этой фазе трансформаций общества интенсивно распространяются зоны гибридных взаимодействий, размывая однозначность организационных правил и усиливая тенденции децентрализации хозяйственного управления, фрагментации огромных структур, повышения гибкости распределения деятельности и стратегического партнёрства, а значит, обостряя противоречия. Сущность процессов, наполняющих переходный период, связана с противоборством различных вариантов дальнейших изменений, а не только отмиранием прошлых стратегий и рождением грядущих [15, с. 184]. Завершение эпохи, уже внёсшей свою лепту во всемирную историю, неминуемо предполагает обострение противоречия не только между прошлым и будущим, но и между вариациями самого будущего, что и становится стержневым содержанием специальной фазы трансформаций. Именно от преобразований в её рамках во многом зависит направленность и уровень, соотношение элементов прогресса и регресса, конечный вектор и темпы последующих изменений. Длительная эра приоритета гонки за уровнем удовлетворения растущих материальных потребностей на базе расходования простого труда зримо выявила свои пределы, связанные с неравномерностью концентрации возможностей и угрозами всей планетарной экосистеме. На передний план системных трансформаций реальности постматериального мира выходит духовно-информационная мотивация жизни, нарастает значение морально-нравственных ориентиров и научно-интеллектуальной активности в осуществлении деятельности.

Причём достигнутый уровень потребления и отходов, характерный для привилегированных регионов, даже близко не может быть распространён на всех из-за давления на среду обитания.

Специфичность переходного периода как гигантской проверки нравственно-духовной стойкости: в отстаивании материальных и идеологических достижений – проявляется, в частности, в усилении влияния маргиналов и самозванства вопреки продвижению self-made man и нормальному функционированию в обществе социальных лифтов. И в социальном смысле поколение – единица изменения традиций. То есть если люди говорят по-разному и о разном – это значит, что смена поколений произошла. При этом необходимо учитывать кто-то меняется, разделяя общераспространённые убеждения, кто-то – склонен к самостоятельной интерпретации и (пере)оценке. Как известно, политико-экономический эйджизм свойственен смене эпох: у старых «клеток» общества нет бессмысленной энергии уничтожения / самоуничтожения, зато часто присутствует «возрастной альтруизм» – в отличии от энергичных новообразований. Потому волны гуттаперчевых хунвейбинов особенно удобны в «геронтологии» устранения прежних элит со страниц истории и слома кадровой системы выращивания, отбора и расстановки. Вместе с тем, время форсированных трансформаций благоприятно и кардинальному изменению места каждого культурно-цивилизационного мира во всемирном «табеле о рангах», и формированию «стабильной нестабильности» полиструктуры глобальных отношений. Так, открываются дополнительные возможности и «обогнать, не догоняя», но и впасть в неоархаику как черту контрмодерна с его путём к социальному каннибализму и технотронному варварству. Не менее опасны и такие попытки упорядочить общественно-политический хаос, которые зиждутся на стремлении сохранить навязывание удобных для себя порядков и подходов остальным или же военно-политической горячки с дальнейшим перерасходом производительных сил ойкумены в бесплодной погоне за сверхприбылями и, соответственно, бессмысленным навязыванием всем «хрематистики» (по Аристотелю), стяжательства и потребительства. На разных фазах трансформаций решение задач общественного согласия может предполагать разный набор ресурсно-методологических баз. В т.ч. – и для попыток отказа от смены парадигм развития, консервирования имею-

щихся общественных норм и изоляции от неудобных процессов. Вместе с тем, очевидная потеря исторической правоты либерализмом уже не позволяет рассматривать его в качестве основания для «конца истории». Однако проблема «пределов роста» всё-таки вполне реальна, вот только характеризует растерянность именно тех, кто ориентируется на привычные, но уже уходящие в прошлое, механизмы. За прежними стратегиями появились новые – соответствующие кардинально изменившимся условиям. Меняется качество социально-экономического развития, где место гонки за расширением рынков и, соответственно, подталкивания стяжательства и потребительства начинают занимать духовно-нравственные горизонты и интеллектуальное творчество. Пришло время исторических скачков парадигмального масштаба, смешивающих прежние «табели о рангах». Более того, как раз бесплодные попытки помешать ходу истории, сохранив наличные отношения и иерархии (пусть и с применением всё новых подходов) зримо выступают весомым фактором не только нравственно-духовной эрозии, но и военно-политических противостояний [16, с. 323].

Гармоничное состояние общества предполагает баланс партнёрства / кооперирования и конкуренции / состязательности. Извечный подход: «закономерность исторического явления обратно пропорциональна его духовности» – обретает новое содержание в период глобальной трансформации, где перемежаются, взаимно резонируют и ограничивают друг друга самые противоречивые тенденции и ни от одной из них нельзя абстрагироваться без ущерба для анализа. Соответственно, при разнообразии путей социогенеза борьба за возрождение ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира прямо и непосредственно оказывается в числе высших приоритетов социума. Так же, как и ресурсы её воплощения: культура, идеология, наука. Переход творчества из сугубо индивидуального в социальную плоскость, придание ему массового характера уже в переходный период выдвигает совершенно новые требования к качеству как социальной педагогики, так и организационно-управленческой культуры. Адекватность эпохе систем организации и управления трудовых отношений, синтез элементов управляемости, самоуправляемости и неуправляемости – обязательное условие достижения передового, тем более авангардного, уровня промыш-

ленности [17, с. 12]. В частности, широкое привлечение тружеников к участию в управлении опрокидывает и деление на принимающих и исполняющих решения, и многие рекомендации тейлоризма. Напротив, спектр учёбы охватывает отнюдь не только профессиональные знания и навыки, но и методологии концептуального уровня. Отсюда же, в частности, – усиление тенденции к реализации функций «добровольчества», появлению разнообразных «активистов» [18, с. 363]. Феномен добровольной деятельности известен издавна, однако ныне он становится важнейшим фактором глобальных, региональных и национальных трансформаций. Его усиление отражается в формах социального и индивидуального творчества, проявляется в разнообразии волонтерства, осуществляется в преломлении досуга и гражданской активности, общественно ответственного поведения и самореализации. Но одновременно создаются условия и для маскировки под него корыстных интересов, что должно учитываться системами организации. А попытки камуфлировать под него создание каких-либо вооружённых банд могли бы не только опрокинуть правовую систему, но и разорвать общественную ткань.

Чтобы эффективно воспользоваться особенностями закономерностей неравномерности исторического развития и смены лидерства / лидеров, надо чувствовать логику истории. Элементы обскурации смешивают смешивают своих и чужих, насущное и иллюзорное, экономику и хрематистику и т.д. Между тем, бытийное самочувствие заметно меняется. Ценностно-смысловые комплексы меняют формы. Переформируются без слома сущности – иначе это станет сломом самого культурно-цивилизационного мира, народ становится строительным материалом чуждого мира, уничтожаясь как самостоятельная величина. Со временем происходит освоение новых возможностей – и отнюдь не только технико-технологических, а также социально-экономических и духовно-нравственных, приращение более высокого нравственного порядка средств самореализации и кооперации. Всякий новый Сверхпроект общественного развития и вырабатывает на основе адекватного эпохе формообразования базовых ценностно-смысловых комплексов нормативный образ жизни и даёт простор просоциальному проявлению дарований каждому, обеспечивая эффект личного участия и ответственности за происходящее.

Сегодня наиболее яркое противоречие – это антагонизм в реализации созданной базы, которая может использоваться либо для радикальной гуманизации жизни в интересах всего живого, либо для эффективного манипулирования, что и проявляется в противостояниях интересов основных масс народа и олигархата. Одним же из острейших противоречий, проявляющихся посредством сонма конфликтов, становится противостояние ценности собственной самобытности в частности, творческого саморазвития и самоосуществления) и обладания (подчинения, манипулирования). Принадлежность к доминированию каждой из них генерализирует, выстраивает дерево целей – интересов, функционально-ролевою системность. Применение этих стратегий может быть использовано для успеха и преуспевания либо своего культурно-цивилизационного мира, либо себя, быть ориентировано на социальные или антисоциальные (и асоциальные) задачи. Гуманность, человечность закономерно приоритетнее любых доктрин: основной регулятор – закон «не мешай». И в этом направлении разрешается основная проблема постмодерна: если аутсайдерство – норма с необъятным диапазоном моделей социогенеза, а вовсе не отставание на общей (единой для всех) дороге, то люмпены, маргиналы (люди и страны) имеют право на собственный выбор – пока не покушаются на выбор других. При постглобализме никто не вправе претендовать на привилегированное положение, но каждый по-своему уникален, а успех вполне закономерно венчает принципиально гетерогенные образования. Речь идёт о новых типах организационного устройства, снятии жёстких границ, мозаичности управленческих процессов, сочетании разных элементов власти. Вместе с тем, не только декларирование, но и действительное следование абстракциям чистого рынка, совершенной конкуренции, свободного ценообразования, открытого общества и т.д. – отнюдь не предохраняет от исторического тупика и неэффективности выбора. Попытки навязать чуждые подходы мироустройства – форма духовного завоевания, элемент нашествия и принуждения. Народный характер бесполезно ломать, надо развивать его лучшие качества. Соответственно, не надо служить ничьим идеям, кроме своих, разделять ничьи принципы и подходы, кроме собственных. В ожесточающейся борьбе за вариант моделей будущего и место в его реализации всё большее значение для осуществления тактики под-

держания соперника в состоянии нервного напряжения (в т.ч. путём перманентного инициирования провокаций) имеет информационная сфера. Ныне не просто создаются точки развития гражданственности, но формируются социально значимые мотивации действий / бездействия, конечный вектор трансформаций, активизация производительных сил, упорядочивается социальный хаос.

Для улучшения же условий дело, разумеется, не в насаждении где-то оправдавших себя стереотипов и штампов, не в попытках «обкарнать» устройство жизни по сконструированному кем-то прокрустову ложу. Всякий диктат, любое администрирование – преграда развитию. Технологии, культуры, искусства, науки требуют свободы мысли в приемлемых, удобных для населения формах. И основная задача государства – защита и культивирование этого разнообразия. Соотношение собственно человеческого, святого и звериного начал в отдельном индивиде и в общественном бытии всякого культурно-цивилизационного мира различно. Вектор подвижности этого баланса формирует разные приоритеты при создании: как в божественном уподоблении при продуцировании / творчестве смыслов, так и животном – при биологическом репродуцировании / размножении. Звериное начало искушают сытостью. Человеческое – справедливостью в реализации идеалов свободы, равенства и братства. И путь реформ – направление укрепления собственно человеческого начала в обществе, соответственно – очеловечивания общественной жизни, гуманизации социально-политических и социально-экономических отношений. Причём рекомбинация стратегий в фокусе переходного периода способна оживить силы, востребуемые обществом и во многом определить траектории дальнейших изменений. Так, отрицательная моральная сила тоже на какой-то срок даёт импульс, но в дальнейшем выжигает цивилизацию, оставляя социальное пепелище.

Для повышения эффективности использования переходного периода крайне важно оградить науку от попыток коммерческого манипулирования её и бюрократического произвола, не стреножа требованиями сиюминутного гешефта, а выводя на высокие технологии, закладывающие фундамент будущего [19, с. 403; 20, с. 65]. Напротив, на повестке дня – решительное усиление её нравственно-духовных основ, возрождение общественного звучания миссии. Научно-обра-

зовательно-производственные комплексы как кластеры развития способны быть локомотивом народнохозяйственного комплекса, находясь в резонансе с базовыми ценностно-смысловыми комплексами своего культурно-цивилизационного мира. Активная роль государства в поддержании общественной гармонии проявляется не только в обеспечении безопасности своего культурно-цивилизационного мира, но и, в частности, в таких эффективных средствах его обеспечения и развития, как формирование и направление Сверхпроекта. Собственно, поиск, выдвижение и поддержание Сверхпроекта развития своего культурно-цивилизационного мира в соответствии с логикой истории и возможностями её применения в конкретном контексте, культивирование кластеров будущего, обеспечение в процессе стратегического планирования приоритета ключевых направлений – это и составляет основное содержание деятельности элиты [21, с. 142].

Наличие органичного комплекса общественных регуляторов – условие прогресса, усложнение этих регуляторов – признак прогресса, необходимость соответствия управляющей системы управляемой целостности. Более того, чем более соответствующим конкретике становится решение, тем более богатый арсенал возможностей открывает. Чем больше оснований у общества, чем более сложной является внутренняя структура, тем она более она устойчива в периоды и относительной стабильности, и форсированных изменений, тем более способна к развитию. Причём никакая группа топ-менеджеров не может быть «независимыми демиургами», а с каждой новой контролирующей инстанцией дополнительно мультиплицируются общественные отношения, в свою очередь выходящие из-под контроля. Сверхпроект стимулирует развитие и закрепление желательных трансформаций.

Эффективные же организационно-управленческие инновации ориентированы на более полное раскрытие индивидуальной одарённости человека и связаны с гуманизацией механизмов реализации публичных и частных интересов в формах соборности и партнёрства вокруг базовых общественных ценностно-смысловых комплексов. Соответственно, для социально-экономического (в частности – хозяйственного) успеха насущным становится переход от превалирования привычек и стереотипов директивного администрирования к гуманизированным практикам и технологиям стимулирования: на инди-

видуальном уровне – деятельности, на общественном – желательных трансформаций. А для предохранения от саморазрушительных и губительных для мира сил интеллектоёмкие формы материального и духовного производства должны прочно покоиться на фундаменте нравственности. И важным фактором становления социокультурного простора является Сверхпроект развития, рождающий чувство сопричастности и гордости за совместные свершения, позволяющий как найти своё место, так и осуществлять развитие своих сущностных сил. Магистральным же направлением становится формирование и развитие среды, благотворной для жизни и творчества каждого. И проблема совсем не только в необходимости наличия зажиточности тружеников для обеспечения экономического спроса на продукцию и запуска хозяйственных процессов. Люди должны получить условия для достойной жизни и самореализации, чтобы не ориентироваться на отъезд вовне, а планировать своё будущее в своей стране. Вместе с тем, защита жизни – это не просто повышение комплекса гарантий по обеспечению корзины экономических, социальных, политических, экологических прав человека, но и расширение поля возможностей развития и реализации каждым в общественно приемлемых формах. Для этого необходим подъём разнообразия во всём, дающий возможность самореализации: как внутри, так и во вне – в условиях разных коллективов, населённых пунктов и регионов. Протекционизм, изоляционизм, регионализм – неотъемлемые черты постглобализма. Причём, и на основе уже освоенных возможностей воспроизводства в глобальных масштабах, и с существенным разнообразием дерева целей. Например, в наиболее благополучных регионах – под идеалом обособления анклава благополучия и вытягивания для него потенциала остального мира. Для прочих – с задачами самозащиты и развития.

5. Выводы

Проявившиеся и находящиеся в анабиозе стратегии могут оказаться лишь отложенной смертью ойкумены, а могут быть чреваты развёртыванием созидательной силы кластеров дальнейшего расцвета. При сочетании невиданной в истории мощи накопленного человечеством потенциала и сдвиге ядра общественного богатства к комплексу индивидуальной одарённости каждого их состояние и динамика во многом

предопределяют конечные итоги трансформаций. При этом нравственно-духовные основы общества не только несут в себе значительную часть потенциала его идентичности, «особости», но и обеспечивают его самовосстановление и саморегуляцию. Причём рекомбинация стратегий в фокусе переходного периода способна оживить силы, востребованные обществом и во многом определить траектории дальнейших изменений. Так, отрицательная моральная сила тоже на какой-то срок даёт импульс, но в дальнейшем выжигает цивилизацию, оставляя социальное пепелище. Осуществление синтетической модели преобразований требует активного и социально ответственного участия народных масс в творчестве (прежде всего, в системообразующих отношениях труда и управления). Организационно-управленческая оптимизация происходящего предполагает гармонизацию разноуровневых интересов с балансом мотивов патриотизма и прав человека (на жизнь как таковую, на достойную человека жизнь, на творчество и т.д.), в первую очередь – во взаимодействии общего Сверхпроекта развития и массы малых жизненных проектов. Совершенно недостаточно упование на мещанство и филистерство убогой жизни, дополняемое изменой элиты, обкрадывающей народ под лозунгами национализма и/или либерализма (в т.ч. за счёт механизмов приватизации) и массово прячущейся от публичной жизни за рубежом. Между тем, развитие без предательства себя и своего прошлого требует опоры на базовые ценностно-смысловые комплексы культурно-цивилизационного мира. Цементирование трансформаций осуществляется развитием общественных идеологии и психологии, включённостью новой мечты в представления об идеале.

Осуществление стратегии защиты и наращивания социокультурного наследия как носителя базовых ценностно-смысловых комплексов – важная часть возрождения. Время форсированного осуществления стратегических перемен, таким образом, означает обновление общественных и технико-технологических форм культурно-цивилизационного мира, но без слома, а, как раз напротив, при бережном развитии своих традиций и подходов. Естественно, что очень важно с минимальными рисками пройти между Сциллой лицемерия и ханжества и Харибдой догматизма и застоя. Вместе с тем, стратегический курс на импортозамещение и выход из долгового рабства – важнейшие

условия развития в собственных интересах народа. Без возрождения индустрии – нет ни самостоятельности и независимости, ни качественного развития и численного роста; люди будут искать лучшей доли вовне, замещаясь иммигрантами из не очень благополучных регионов. Практика напомнила: географическая диверсификация экономической, социальной, политической жизни – условие успешного преодоления очаговых вспышек эпидемии, в конечном итоге – и устойчивости государства и общественного порядка. Для закрепления на пристойных позициях в формирующемся мироустройстве остро необходимо: создание и проектное стимулирование новых платформ развития, тесно коррелирующих с выращиванием адекватных времени вариантов проявления базовых ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира, кардинальное укрепление организационно-управленческих форм глубокой науки и прорывных технологий в эффективных моделях научно-образовательно-производственных кластеров, обновление систем укрепления общественного иммунитета к мутациям и воздействиям, предупреждения распространения вредоносных вирусов (в т.ч. информационных), запрет на работы с разнообразным ОМП (в частности, бактериологическим), повышение уровня территориального рассредоточения как производств, так органов власти и управления. Недостижение выдвигаемых проектов чаще всего означает: либо иллюзорность и химеричность планов, либо расхождение формально декларируемых и реальных целей, либо неспособность управленцев. Именно лидеры, способные понимать и защищать интересы собственного культурно-цивилизационного мира, становятся весомым фактором если не определения глобальных трендов, то хотя бы их эффективного использования.

Как представляется, дальнейшее научное осмысление темы могло бы предполагать специальное раскрытие развивающегося диапазона функций, возможностей и рисков качества связей с общественностью в период форсированных межпарадигмальных трансформаций.

Список литературы:

1. Ещенко П.С., Арсеенко А.Г. Куда движется глобальная экономика в XXI веке? Киев : Знання України, 2012. 479 с.
2. Актуальные вопросы глобализации: Круглый стол. *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 4. С. 37–52.

3. Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Москва : Новый век, 2002. 416 с.
4. Шедяков В.Е. Экономика управляемая, самоуправляемая и неуправляемая. *Integrated business structures: models, processes, technologies*: Proceed. of Intern. Scient. Conf. Chisinau, November 25, 2016. P. 5–7.
5. Шедяков В.Е. Ценность жизни и возможность творчества как характеристики общественных изменений. *Економічний вісник Запорізької державної інженерної академії*. Ст. I. 2017. Вип. 5(11). С. 11–18. Ст. 2. 2018. Вип. 6(18). С. 34–39.
6. Коршунов А.М., Шаповалов В.Ф. Творчество и отражение в историческом познании. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 192 с.
7. Шедяков В.Е. Интеллектоёмкость и нравственность как атрибуты экономики, основанной на знаниях. *National Economic Development and Modernization: experience of Poland and prospects for Ukraine* / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce : Baltija Publishing, 2017. Vol. 1. P. 283–294.
8. Шедяков В.Е. Осуществление парадигмальных трансформаций: сорезонирование стратегии, тактики и оперативного искусства в управленческих композициях. *Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine* / Maria Curie-Sklodowska University. Lublin : Baltija Publishing, 2017. P. 282–307.
9. Shedyakov V. Strategy of changes: challenges, measurements, priorities. *Strategies for sustainable socio-economic development and mechanisms their implementation in the global dimension* / ed. by M. Bezpartochnyi. Sofia : St. Grigorii Bogoslov, 2019. Vol. 2. P. 51–62. DOI: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.11839233.v1>
10. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 328 с.
11. Шедяков В.Е. Управление стратегическими трансформациями: возможности и ограничения. *Economy without borders: Integration, Innovation, Cross-border cooperation*: Proceed. of Intern. Scient. Conf. Kaunas, August 26, 2016. P. 246–248.
12. Шедяков В.Е. Можливості ефективної організації та стимулювання бажаних трансформацій. *Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї*. 2010. Вип. 19. С. 327–338.
13. Албегова И.М., Емцов Р.Г., Холопов А.В. Государственная экономическая политика. Москва : Дело и Сервис, 1998. 320 с.
14. Шедяков В.Е. Политико-экономическая стратегия форсированных трансформаций. *Strategies for Economic Development: The experience of Poland and the prospects of Ukraine* / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce : Baltija Publishing, 2018. Vol. 1. P. 287–303.
15. Архиреев С.И., Шедяков В.Е. Разрешение экономических противоречий обобществления как движущая сила развития творческой активности. Харьков, 1989. 212 с. Деп. в ИНИОН АН СССР 14.12.89, № 40463. Новая советская литература по общественным наукам. Экономика, 1990. № 6.
16. Шедяков В.Е. Межпарадигмальный переход в структуре и организации международной жизни. *Research, challenges and development prospects*

in the area of social sciences / ed. board: J. Kloc, U. Kempnińska, Z. Brenda; Cuiavian University in Wloclawek. Riga : Baltija Publishing, 2020. Pp. 301–325. DOI: <https://doi.org/10.36059/978-9934-588-42-6/301-325>

17. Шедяков В.Е. Формирование экономического суверенитета страны в условиях перехода к обществу знаний на основе развития научно-интеллектуального потенциала и материально-технической базы. *Вісник Одеського національного ун-ту. Економіка*. 2018. Т. 23. Вип. 8(73). С. 8–13.

18. Shedyakov V. Creation and realization of organizational-management strategy during paradigm transformation. *Organizational-economic mechanism of management innovative development of economic entities* / ed. by M. Bezpartochnyi; Higher School of Social and Economic. Przeworsk : WSSG, 2019. Vol. 3. P. 345–364. DOI: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.9731429.v1>

19. Шедяков В.Е. Развитие и реализация научно-интеллектуального потенциала в осуществлении стратегической конкуренции. *Innovative development of the economy: global trends and national features* / ed. by J. Žukovskis, K. Shaposhnikov. Kaunas : Baltija Publishing, 2018. С. 394–405.

20. Шедяков В.Е. Научно-образовательно-производственные кластеры – точки развития экономики и общества. *Innovative Economy: Processes, Strategies, Technologies* : Proceed. of II Intern. Scien. Conf. Kielce, January 26, 2018. Part I. P. 65–67.

21. Шедяков В.Е. Кластеры как локомотивы социально-экономического развития. *Cluster Policy of Innovative Development of the National Economy: Integration and Infrastructure Aspects* / ed. by S. Smerichevska. Poznań : WSPIA, 2020. P. 129–143.

References:

1. Eshchenko, P. S., & Arsenko, A. G. (2012). Kuda dvizhetsya global'naya ekonomika v XXI veke? [Where is the global economy moving in the 21st century?]. Kiev: Znannya Ukrainy, 479 p. (in Russian)

2. Aktual'nye voprosy globalizatsii: Kruglyy stol (1999). [Actual issues of globalization: Round table]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 37–52. (in Russian)

3. Azroyants, E. A. (2002). Globalizatsiya: katastrofa ili put' k razvitiyu? [Globalization: disaster or a path to development]. Moskva: Novyy vek, 416 p. (in Russian)

4. Shedyakov, V. E. (2016). Ekonomika upravlyaemaya, samoupravlyaemaya i neupravlyaemaya [Economy controlled, self-controlled and uncontrolled]. *Integrated business structures: models, processes, technologies*: Proceed. of Intern. Scient. Conf. Chisinau, November 25, pp. 5–7. (in Russian)

5. Shedyakov, V. E. (2017–2018). Tsennost' zhizni i vozmozhnost' tvorchestva kak kharakteristiki obshchestvennykh izmeneniy [The value of life and the possibility of creativity as a characteristic of social change]. *Ekonomichnyj visnyk Zaporizkoi derzhavnoi inzhenernoi akademiji*, st. I, vyp. 5(11), pp. 11–18; st. 2, vyp. 6(18), pp. 34–39. (in Russian)

6. Korshunov, A. M., & Shapovalov, V. F. (1984). *Tvorchestvo i otrazhenie v istoricheskom poznanii* [Creativity and reflection in historical knowledge]. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 192 p. (in Russian)

7. Shedyakov, V. E. (2017). Intellektoemkost' i npravstvennost' kak atributy ekonomiki, osnovannoy na znaniyakh [Intelligence and morality as attributes of a knowledge-based economy]. *National Economic Development and Modernization: experience of Poland and prospects for Ukraine* / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce: Baltija Publishing, vol. 1, pp. 283–294. (in Russian)

8. Shedyakov, V. E. (2017). Osushchestvlenie paradigmat'nykh transformatsiy: sozvezonirovanie strategii, taktiki i operativnogo iskusstva v upravlencheskikh kompozitsiyakh [Realization of paradigm transformations: co-resonance of strategy, tactics and operational art in managerial compositions]. *Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine* / Maria Curie-Sklodowska University. Lublin: Baltija Publishing, pp. 282–307. (in Russian)

9. Shedyakov, V. (2019). Strategy of changes: challenges, measurements, priorities. *Strategies for sustainable socio-economic development and mechanisms their implementation in the global dimension* / ed. by M. Bezpartochnyi. Sofia: St. Grigorii Bogoslov, vol. 2, pp. 51–62. DOI: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.11839233.v1>

10. Vazyulin, V. A. (1988). *Logika istorii. Voprosy teorii i metodologii* [The logic of history. Questions of theory and methodology]. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 328 p. (in Russian)

11. Shedyakov, V. E. (2016). Upravlenie strategicheskimi transformatsiyami: vozmozhnosti i ogranicheniya [Strategic Transformation Management: Opportunities and Limitations]. *Economy without borders: Integration, Innovation, Cross-border cooperation*: Proceed. of Intern. Scient. Conf. Kaunas, August 26, pp. 246–248. (in Russian)

12. Shedyakov, V. E. (2010). Mozhlyvosti efektyvnoji orghanizatsiji ta stymuljuvannja bazhanykh transformacij [Possibilities for efficient organization and stimulation of desired transformations]. *Suchasna ukrajinsjka polityka. Polityky i politologhy pro neji*, vyp. 19, pp. 327–338. (in Ukrainian)

13. Albegova, I. M., Emtsov, R. G., & Kholopov, A. V. (1998). *Gosudarstvennaya ekonomicheskaya politika* [State economic policy]. Moskva: Delo i Servis, 320 p. (in Russian)

14. Shedyakov, V. E. (2018). Politiko-ekonomicheskaya strategiya forsirovannykh transformatsiy [Political and economic strategy of forced transformations] (in Russian). *Strategies for Economic Development: The experience of Poland and the prospects of Ukraine* / ed. by A. Pawlik, K. Shaposhnykov. Kielce: Baltija Publishing, vol. 1, pp. 287–303.

15. Arkhiereev, S. I., & Shedyakov, V. E. (1989). Razreshenie ekonomicheskikh protivorechij obobshchectvleniya kak dvizhushchaya sila razvitiya tvorcheskoy aktivnosti [Resolving the economic contradictions of socialization as a driving force for the development of creative activity]. *Khar'kov*, 212 s. Dep. v INION AN SSSR 14.12.89, no. 40463. *Novaya sovetskaya literatura po obshchestvennym naukam*. *Ekonomika*, 1990, no. 6. (in Russian)

16. Shedyakov, V. E. (2020). Mezparadigmal'nyy perekhod v strukture i organizatsii mezhdunarodnoy zhizni [Intertuparadigmatic transition in the structure and organization of international life]. *Research, challenges and development prospects in the area of social sciences* / ed. board: J. Kloc, U. Kempnińska, Z. Brenda; Cuiavian University in Wloclawek. Riga: Baltija Publishing, pp. 301–325. DOI: <https://doi.org/10.36059/978-9934-588-42-6/301-325> (in Russian)

17. Shedyakov, V. E. (2018). Formirovanie ekonomicheskogo suvereniteta strany v usloviyakh perekhoda k obshchestvu znaniy na osnove razvitiya nauchno-intellektual'nogo potentsiala i material'no-tekhnicheskoy bazy [The formation of the economic sovereignty of the country in the transition to a knowledge society based on the development of scientific-intellectual potential and material-technical base] (in Russian). *Visnyk Odesjkojho nacionaljnogo un-tu*. Ekonomika, t. 23, vyp. 8(73), pp. 8–13.

18. Shedyakov, V. (2019). Creation and realization of organizational-management strategy during paradigm transformation. *Organizational-economic mechanism of management innovative development of economic entities* / ed. by M. Bezpartochnyi; Higher School of Social and Economic. Przeworsk: WSSG, vol. 3, pp. 345–364. DOI: <https://doi.org/10.6084/m9.figshare.9731429.v1>

19. Shedyakov, V. E. (2018). Razvitie i realizatsiya nauchno-intellektual'nogo potentsiala v osushchestvlenii strategicheskoy konkurentsii [Development and implementation of scientific and intellectual potential in the realization of strategic competition] (in Russian). *Innovative development of the economy: global trends and national features* / ed. by J. Žukovskis, K. Shaposhnykov. Kaunas: Baltija Publishing, pp. 394–405.

20. Shedyakov, V. E. (2018). Nauchno-obrazovatel'no-proizvodstvennye klasteri – tochki razvitiya ekonomiki i obshchestva [Scientific-educational-production clusters points of development of the economy and society]. *Innovative Economy: Processes, Strategies, Technologies*: Proceed. of II Intern. Scien. Conf. Kielce, January 26, part I, pp. 65–67. (in Russian)

21. Shedyakov, V. E. (2020). Klasteri kak lokomotivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Clusters as locomotives of socio-economic development] (in Russian). *Cluster Policy of Innovative Development of the National Economy: Integration and Infrastructure Aspects* / ed. by S. Smerichevska. Poznań: WSPIA, pp. 129–143.